

С. А. Куспысь

МАСКАРАД ИНКВИЗИЦИИ

Часть I.
СОКРОВИЩА ТАМПАЙЕРОВ

Киев
2020

**УДК 821.161
К94**

Куспысь С. А.

К94 Маскарад инквизиции : роман. В 2-х ч.— Киев : Издательство Лира-К, 2020. Ч. 1. — 294 с.

ISBN 978-617-7910-11-3

В книге «Маскарад инквизиции», написанной в захватывающем стиле, присущему этому автору, изображены реальные факты из истории Франции и последней королевской семьи Людовика XVI перед началом Великой Французской революции, переплетающейся с событиями современности.

Журналистку Ингу Королеву и ее детей начинают преследовать неизвестные люди.

Она не может понять, что происходит, и со временем с ужасом узнает, что ее род обречен на смерть массонами еще во времена Великой Французской революции.

Сможет ли Инга выжить в этой неравной борьбе с тайной организацией, спасти своих детей, мы узнаем со страниц этой книги.

Автор предупреждает, что все события в книге вымышленные и любые совпадения с реальными лицами является чистой случайностью.

УДК 821.161

ISBN 978-617-7910-11-3

© Куспысь С. А., 2020

© Издательство Лира-К, 2020

Глава 1.

По мокрой брусчатке Парижа катила карета. Равномерный стук копыт лошадей нарушал тишину города. И хотя время подходило только к восьми вечера, на плохо освещенных улицах изредка встречались прохожие, спешившие быстрее уединиться в своих домах. Моросил мелкий дождь, и туман мрачными клочьями опускался на город.

Шел тысяча семьсот семьдесят шестой год, и правление Людовика XVI, на которого народ возлагал большие надежды, так и не принесло за два года его царствования, существенных изменений, и средний слой населения — буржуазия и крестьянство, обложенные непомерными налогами, чтобы удовлетворить потребности в роскоши высшей аристократии, прозябали в нищете. Но вера в короля, которого еще до сих пор называли Желанным, жила в сердцах людей, и народ верил, что изменения вот-вот наступят.

Тем более, что Людовик XVI, желая подчеркнуть отличие своего правления от предшественника Людовика XV, который к концу своих дней снискал ненависть и презрение немалого числа своих поданных, через несколько месяцев после того, как взшел на престол, отменил знаменитую реформу Мопу, восстановив в прежнем виде французские парламенты, в том числе и Парижский, тем самым ревностно защитив законы, обычаи, сословия и привилегии Франции старого порядка. К Парижскому парламенту вернулось важнейшее право решать вопрос о законности, регистрации и тем самым вступлении в силу любого королевского декрета. И хотя интересы большинства французов, искренне любящих своего короля, остались вне его внимания и заботы, люди еще искренне верили в то, что настали лучшие времена.

И в это время Людовик XVI еще даже не подозревал, что эта ошибка будет ему стоить короны и собственной жизни через несколько лет.

И как раз в этот дождливый вечер, могущественная кучка людей, объединившаяся в муждународное общество много лет назад, начала осуществлять самый страшный заговор, с момента своего существования.

Карета подкатила к небольшому особняку, и из нее показался человек в темном плаще, и решительно направился к входным дверям дома.

Его встретил молодой человек, двадцати пяти лет. Он был высокий, и немного худощавый. Но лицо, несмотря на бледность, излучало благородство, и в нем проглядывались черты высшей аристократии. Темные, большие глаза, тонкий нос и небольшой, но решительный подбородок. Глаза юноши светились умом, и он внимательно рассматривал, стоящего напротив него, незнакомца.

Быстро проведя глазами по небогатой обстановке комнаты, мужчина сдержанно обратился к юноше:

— Христоф Вреден, готовы ли Вы пойти со мной?

— Да. — Юноша сдержанно поклонился говорившему.

— Согласны ли Вы принять посвящение уже сегодня вечером?

— Да. — На этот раз юноша смотрел прямо в глаза незнакомца.

— Какую пользу Вы можете принести нашему обществу?

— Я сделаю все, что от меня потребуют. — Торжественно произнес Христоф Вреден.

— Хорошо. Собирайтесь. Я Вас жду в карете.

Через пол часа карета мягко замерла, и юношу провели, с завязанными глазами, в комнату, которая освещалась только небольшим газовым рожком.

— Это комната размышления. — Сказал незнакомец, привезший сюда юношу. — Здесь тебя оставят одного, чтобы ты мог еще некоторое время подумать над своим решением. После того, как Вы пройдете посвящение, назад дороги не будет. Вы скоро начнете новую жизнь. Напишите ответы на заданные вопросы, а также и Ваше завещание. — Голос мужчины уже был суровым и непреклонным.

Незнакомец вышел, а Христоф Вреден обвел глазами комнату, и на некоторое время ему стало не по себе. Стены комнаты были совершенно черные, и по ним проглядывались надписи: «Если тебя привлекает сюда пустое любопытство, то уходи», «Если ты боишься разоблачения твоих недостатков — тебе будет плохо среди нас», «Если ты будешь скрытным — трепещи, потому что мы все прочтем в глубине твоего сердца», «Если ты хочешь выделиться среди нас — уходи, этого не должно быть между нами», «Если ты почувствовал охлаждение — не иди дальше», «Если ты

будешь настойчив, то выйдешь из пропасти и мрака и увидишь свет», «От тебя могут потребовать больших жертв, даже жизни — готов ли ты на это?».

Юноша, прочитав надписи, увидел в комнате два стола, на одном из которых лежали кости и черепа, а на другом, покрытым белой скатертью, находились чернильница, перо и бумага, на которых были отпечатаны три вопроса: «Каковы обязанности человека по отношению к самому себе?», «Каковы обязанности человека по отношению к своим близким?», «Каковы обязанности человека по отношению к своему отечеству?».

Юноша закрыл глаза, и по его щекам покатились горькие слезы. Страх невольно закрался в его сердце. Но лицо его возлюбленной Франсуазы Дюгутуар всплыло перед глазами, и он решительно вытер лицо. Что же он принял решение, и отступать ему было некуда.

Христоф Вреден был выходцем из среды мелкой буржуазии, корни которой начинались с крестьян, а его дорогая Франсуаза хотя и относилась к третьему сословию общества — буржуазии, но была дочерью богатого землевладельца, который не хотел отдавать свое сокровище в руки бедного адвоката, не имеющего ни богатой клиентуры, ни гроша за душой. Но молодые люди беззаветно любили друг друга, и отец чувствовал, что ситуация заходит в тупик. Он не мог, при всем своем желании, пойти против воли своей единственной дочурки, которую воспитывал сам с семилетнего возраста, отдав ее замуж за какого-то богатого буржуа, или за обедневшего аристократа, который мог бы подарить его дочери титул, а он ему, на взаимовыгодных условиях, богатое наследство. И поэтому уже сам стал подумывать, как вывести Христофа Вредена на путь изобилия и процветания, и сделать счастливой свою Франсуазу.

Но Христоф Вреден тоже не дремал, и понимал, что его счастье повисло на волоске. Во Франции все решали деньги, а талант, труд и усердие никем во внимание не принимались. Все должности в государстве продавались, и поэтому бедняк при всем желании не мог получить важный пост. Полковники покупали полки и продавали их. Так же обстояло дело и в судебном мире, где должности судей, прокуроров и адвокатов продавались за баснословные деньги. И купить их простому смертному было практически невозможно. Даже палачи свое дело «покупали», и поэтому Христоф Вреден попал в чрезвычайно сложную ситуацию. Но он

знал одно — разлучаться со своей Франсуазой он не собирался ни при каких обстоятельствах.

Для юриста карьера начиналась с должности адвоката Советов короля. Это, конечно, не означало, что юристы давали совет лично королю. Просто эти люди входили в узкую корпорацию, члены которой имели право вести дела в семи Советах короля. То есть Христоф Вреден получал возможность не метаться бестолково в поисках клиентов, которые его при всем этом, не в состоянии были отблагодарить мало — мальским нормальным гонораром, а представлять интересы богатых людей в судебных палатах королевства по уголовным и гражданским делам. Всего таких адвокатов в Совете короля было семьдесят. Но должности их стоили очень дорого — семьдесят восемь тысяч ливров.

Христоф Вреден взялся за голову. Где взять такие сумашедшие деньги? Просить их у будущего тестя он не собирался. Это было выше его достоинства. Да тот и не очень-то разогнался давать такие заемы будущему зятю. Кто его знает, как он покажет себя в будущем? И поэтому Христоф Вреден, в конце концов, остался один на один со своей проблемой. Он стал мрачным и раздражительным. И от всех вопросов своей матери, дочери строителя-подрядчика, измученной работой и материальными неурядицами, отмахивался, как от чумы. Он очень любил мать, но понимал, что она будет только расстраиваться, узнай о его непосильных проблемах. Отца у Христофа не было, и этот вопрос матерью обходился полным молчанием, но юноша этим и не интересовался. Он уже давно смирился с тем, что у него есть только одна мать, и чувствовал, что все вопросы в отношении своего происхождения, ей не приятны.

И поэтому сейчас варился со своими мыслями один на один. Он даже перестал ходить к своей возлюбленной, обдумывая, как быть дальше.

И вот тут то и произошел случай, который, по воле случая, или по воле судьбы, повернул направление мыслей Христофа, в иное направление. В один из вечеров, когда он уже потихоньку начал падать духом, при всем волевом и решительном характере, возле его дома остановилась карета, без всякого внешнего лоска и отличий, и из него вышел мужчина.

Разговор, неожиданно для Христофа, оказался долгим и продолжительным. Не называя имен, и названия организации, мужчи-

на предложил Христофу вступить в тайное общество, заботящееся, прежде всего, о благе народа. Он обстоятельно рассказывал о философии Руссо, который считал цивилизацию проклятием, и подчеркивал, что в своем первичном состоянии человек был свободен и счастлив — до тех пока не оказался под парализующим воздействием социальных условностей, а право собственности превратило большинство людей в рабов. Потом мужчина плавно подвел свою мысль к тому, что монархия, и служащее ему духовенство, уже давно попрали права простого народа, и пора было вставать на борьбу с такой вопиющей несправедливостью.

Христоф внимательно слушал мужчину, и многое из сказанного им, находило благодатный отклик в его сердце. Будучи выходцем из бедной буржуазии, юноша с детства мог прочувствовать на себе все превратности жизни. Все лучшее в стране принадлежало привилегированному классу — высшей аристократии и дворянству, все же остальные влачили свое существование, прилагая немалые усилия к тому, чтобы выжить в этом мире. Христоф ни раз наблюдал, как мимо него мчались роскошные кареты, покрытые позолотой и серебром, с фамильными гербами, в которых сидели высокородные аристократы, далекие от жизни и проблем простых людей. Казалось, что сердца этих людей покрылись непробиваемым льдом тщеславия и эгоизма, и они давным-давно забыли, что такое элементарное сострадание и любовь к своим поданным. Это были настоящие прожигатели жизни, и их мало, что интересовало, кроме удовлетворения собственных потребностей. Христоф знал, что Людовик XVI, который недавно вззошел на трон, имел скромный нрав, и не поощрял поведения большинства своих поданных, и, кроме этого, служил примером скромного образа жизни, и был прекрасным и заботливым мужем. Но изменить нравы двора он так и не смог.

Мужчина внимательно наблюдал за юношей, и видел, что его слова нашли благородную почву в его душе. Невзначай, он произнес, что в их секретном обществе состоят уже видные люди королевства, которые после вступления юноши в их организацию, смогут помочь ему в осуществлении всех его надежд. После последних слов мужчина неувовимо улыбнулся, и Христоф понял, что его проблемы в личной жизни и адвокатской карьере, не являются для него секретом.

Этот факт смел его последние сомнения. И вот именно в этот октябрьский вечер должно было состояться его посвящение в тай-

ное общество, цель которого ему откроют только после торжественной и долгой церемонии.

Усилием воли Христоф поборол следы страха в своей души, и стал терпеливо ожидать, когда за ним придут...

Глава 2.

Инга Королева открыла глаза, и сладко потянулась. Ну, ее к черту сегодня эту гимнастику. Лучше она лишний раз понежится в постели. Угрызения совести на мгновение дали о себе знать, но она тут же их отмела в сторону. Отдыхать так отдыхать. Завтра она наверстает упущенное, и позанимается лишнюю минуту больше. Через минут пятнадцать проснутся дети, и квартира превратится в сумашедший дом. Инга блаженно закрыла глаза... Какая изумительная тишина в доме...

Инге Королевой было тридцать два года. С личной жизнью она попрощалась окончательно и бесповоротно, и уже даже мысленно не возвращалась к этому вопросу. С мужчинами ей не везло с самого начала. Она уже два раза успела побывать замужем, и этот опыт оставил в ее сердце такой липкий и неприятный отпечаток, что переубедить теперь ее в том, что семейные узы несут какие-то благодатные эмоции, было практически невозможно. Первый ее муж взгрузил добросовестно на ее плечи все тяготы жизни, и она, зарабатывая самостоятельно на кусок хлеба, вынуждена была к тому же отчитываться перед ним за каждую потраченную копейку. А муж, будучи патологически жадным человеком, работая бухгалтером на небольшом предприятии, складывал рубль к рублю, чтобы случайно не потратить что-то на семью и ребенка. При чем, зачем ему были нужны деньги, он сам до конца отчета не отдавал. Главное, что с ними в кучке было тепло и уютно. И он постоянно ругал жену за различные покупки, которые она делала по доброте своей душевной ему и детям. Инга любила делать подарки своим родным, и постоянно чувствовала себя виноватой за свое расточительство перед своим неумолимым к денежным растратам, мужем. А он к тому же умудрился был верным до конца, не пил, не курил, и Инга чувствовала себя рядом с ним полной грешни-

цей, когда приносила первую клубнику в дом, или задерживалась с работы домой. Муж тогда, как на показательных выступлениях, демонстративно кормил сына, подчеркивая этим самым, какая она никудышняя мать, или делал какую-то другую домашнюю работу. Инга, после этого, с виноватым лицом, старалась искупить свою вину, и рьяно принималась за стирку или уборку, чтобы оправдать перед супер — мужем свое непростительное поведение. Правда, иногда она чувствовала такую тошноту от своей жизни, и так проклинала это застоявшееся болото, которое называлось таким красивым словом «верность», при отсутствии настоящих и живых чувств, что готова была идти на край света, только чтобы опять не увидеть стен своей квартиры, в котором находился такой приличный муж. Все ее подружки искренне ей завидовали, не понимая, что происходит в их семье на самом деле. И только сын, которого она любила всем сердцем, согревал ее в общем-то холодную и непроглядную личную жизнь. Закончилось все просто и прозаично. Инга купила на базаре первые огурцы, и стала быстро делать на кухне салат сыну, чтобы мужу не так резали глаза потраченную впустую ею деньги. Но он на этот раз превзошел себя. Тарелка с салатом в ярости разлетелась об пол. Другой возможности показать себя ему не представилось. Инга схватила первое, что попало ей под руку, и выскочила из квартиры. Потом она забрала сына из садика, и ушла жить в свою маленькую, но уютную квартирку, которая осталась ей от умерших родителей. Все. К этому браку она больше не возвращалась. И даже написала заявление в суд, чтобы заявление о разводе рассматривали без ее рассмотрения. Видеть без ненависти лицо бывшего, она просто не могла. Все, что накопилось в ней, за долгие годы совместной жизни, вырвалось из закровов памяти, и водрузить весь этот негатив назад, было уже невозможно.

Прошло время. Бывший муж женился второй раз, и Инга от всей души сочувствовала женщине, взявшей на себя роль жены при верном, непогрешимом муже. Скоро у них родилась дочь, и идеальный отец постепенно начал забывать своего первенца. Инга заменила своему ребенку и отца, и мать, и они были, по возможности, всегда вместе.

Второй муж, свалился ей, как снег на голову, когда она возвращалась с работы, и он подъехал к ней на своем новеньком, блестя-

щем авто, и предложил подвезти. В руках у Инги были тяжелые, неподъемные сумки. С момента развода она с вожделием покупала все, что приходило ей в голову. Материальная свобода опьянила ее, и она наслаждалась теперь этим неповторимым чувством вовсю. Но тянуть в этот момент этот груз ей, действительно, было не по силам, и она с благодарностью приняла помощь этого симпатичного, молодого мужчины, с красивыми, почти женственными, чертами лица.

На другой день, возвращаясь с работы, и ведя за руку четырехлетнего сына, она с удивлением увидела знакомое авто возле подъезда своего дома. Не успела она подойти к машине, как из нее вышел уже знакомый мужчина, одетый с иголки, в синий костюм, в полоску, и белоснежную рубашку. В руках у него была корзина алых роз. В общем, он был неотразим. И Инга не могла себе не признаться в этом. Ее сердце предательски застучало. Бывший муж никогда не делал ей подарков, и тем более, не дарил таких прекрасных цветов. Инга познакомила мужчину со своим сыном, и пригласила в дом на чашку чая. Другое поведение в данном случае было бы просто противоестественным.

На этом их знакомство не закончилось. Ее сына засыпали дорогими подарками, и мальчик, забывший, что такое мужская опека, искренне привязался к мужчине. Поплыла душа и у Инги. Она с умилением рассматривала коробочки французских духов, взявших уверенно в плен все ее полочки в ванной. На тот момент жадность была для нее самым изуверским качеством, и, конечно, новый знакомый этим страшным пороком не страдал.

Через некоторое время, под давлением своего сына, который теперь просто не мог жить без этого мужчины, она вышла замуж. У них родилась дочь.

Не прошло и года после рождения дочурки, которую супруги любили всем сердцем, как муж стал систематически исчезать из дому. Инга знала, что он занимается серьезным бизнесом, и поэтому сначала не придавала этому большого значения. Но потом это стало повторяться все чаще, и Инга начала задумываться над тем, что происходит. Муж заметно остыл к сексу, и это было первым тревожным звоночком, что что-то не так. Инга не была страстной любовницей, но не придавать значения равнодушию мужа в постели было очень опасно.

Инга не мучила мужа занудными расспросами и нытьем по поводу его отсутствия, тем более, что тот сам находил себе каждый раз оправдания, а сама старалась проанализировать его поведение. Она помнила об опостылой верности мужа, который и сам себя любил время от времени, и понимала, что любовницы не самое страшное, что может быть в жизни, у женатого мужчины. Тем более, что Инга своим женским сердцем чувствовала, что муж очень привязан к ней и детям, и никогда не уйдет из семьи сам. Но что же тогда происходило? Ответ оказался страшнее, чем она могла предполагать. Ее муж увлекся не чужими женщинами. Его интерес проснулся к своему же полу. Об этом ему в сердцах рассказал очередной обиженный любовник ее мужа. Инга долго и судорожно рвала, склонившись над собственным унитазом, а потом еще час отмывалась в душе, яростно растирая свое тело жесткой мочалкой. Когда он пришел домой, она яростно бросила ему в лицо вещи, и сказала, чтобы он ей на глаза больше не попался. На тот момент они уже жили в квартире, которую он купил в центре Киева, на Хрещатике. Муж ничего не стал отрицать. Это было бессмысленно. И, в целом, будучи неплохим человеком, он оставил трехкомнатную квартиру Инге и детям, к которым он был искренне привязан.

За что она ему была очень благодарна. От алиментов она отказалась, но он все-равно передавал детям время от времени дорогие подарки, заглаживая перед ними свою вину. Но для Инги это было уже не важно.

С этого времени Инга покончила с попытками наладить свою личную жизнь, и мужчин избегала, как самой страшной нечисти, которая могла сломать жизнь любой нормальной женщине. Единственное, за что она осталась благодарна по настоящему бывшим мужьям, так это за детей, которые они ей оставили. Беря на руки трехлетнюю дочурку, она млела от счастья, впитывая всем своим существом запах ее душистого, мягкого тельца. Как она любила их обоих...

Не повезло Инге и с профессией. Много лет она проработала следователем в прокуратуре города, но после переворота, который произошел в стране, и после которого распался Советский Союз, ей пришлось уйти из органов. Ее взгляды не совпали с передовым новым начальством, рьяно исповедавшим новую идеологию. Сами будучи бывшими комсомольцами и коммунистами,

они лицемерно исповедывали чужую для них веру, и эта ложь полностью противоречила простой и честной душе, Инги, которая осталась тем, кем была — хорошим профессионалом и честным человеком. После ухода из органов она долго слонялась без работы, пока знакомый главный редактор газеты, предложил ей вести криминальную хронику. Ну, что же, это было больше, чем ничего. Зарабатывать-то на жизнь чем-то нужно было. И с тех пор, Инга писала статьи о громких уголовных делах, которые слушали суды Киева. Проводить собственное журналистское расследование она сама себе запретила самым категоричным образом, хотя ее нутро следователя давало о себе знать, но она его водворяла на место, напоминая о данном себе слове. Пускай следствием занимаются те, кому это положено по должности. Она же должна писать. Тем более, что у нее это получалось довольно неплохо. Ее друг, главный редактор — Крушельницкий Руслан, был ею очень доволен, и гордился тем, что ему удалось заполучить такую классную журналистку. Инга писала остро, умея делать виртуозно акценты на тех моментах, которые были важнее всего. Тем более, что криминальная хроника совпадала с ее бывшей профессией. А Инга была следоком классным. Он помнил дела, которые она классически выводила в «люди», несмотря на то, что многие были заинтересованы в том, чтобы похоронить эти дела раз и навсегда.

Правда, саму Ингу в последнее время беспокоили кое-какие обстоятельства, но она относилась к своему розыгравшемуся воображению, и старалась своему беспокойству внимания не придавать. Ее бывшая профессия следователя давала о себе знать, как бы она не хотела, и даже, находясь за рулем автомобиля, она бессознательно отслеживала номера машин, которые за ней следовали. При чем память позднее воспроизводила серию и номера с точностью до ноль десятых, если автомобиль попался в ее поле зрения более одного раза. Инга вздохнула... И все-таки, в этот момент тревога с особой остротой охватила ее душу... Что-то было не так... Иногда, возвращаясь с работы, она замечала в квартире совсем неуловимый беспорядок. До такой степени неуловимый, что она не могла отдать себе отчет, что так тревожило ее душу. Все вещи вроде бы лежали в том порядке, котором она их оставила утром, но, вместе с тем, было ощущение, что к ним притрагивались чужие руки. Инга потеряла глаза... Ей нужно было срочно